

**ТЕМА ПОКАЯНИЯ И ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В
СТИХОТВОРЕНИИ АБУЛЬМАНИХА КАРГАЛЫЙ О КРАСАВИЦЕ-
ЕВРЕЙКЕ И СУФИЕ**

**THE THEME OF REPENTANCE AND SPIRITUAL RENEWAL IN ABULMANIH
KARGALY'S POEM ABOUT A BEAUTIFUL JEWISH GIRL AND A SUFI**

**ABULMANIH KARGALI'NIN BİR YAHUDİ GÜZELİ VE SUFİ'Yİ ANLATAN
HİKAYESİNDE NEDAMET VE MANEVİ UYANIŞ KONULARI**

Др. Алсу Хасавнех (Dr. Alsu Khasavnekh)*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется поэтическое творение татарского поэта-суфия А.Каргалый, в центре повествования которого два диаметрально противоположных персонажа: с одной стороны, порочная женщина, с другой - благопристойный суфий. Внимание читателей автор акцентирует на этической стороне рассказа.

Ключевые слова: Абульманих Каргалый, суфийская поэзия, мотив покаяния, этика, еврейское предание.

ÖZET

Bu makalede, Tatar mutasavvıf şairi A. Kargalı'nın bir şiiri ele alınıyor. Hikayenin odak noktasında birbirine tamamen zıt olan iki karakter yer alıyor: bir tarafta kötü yola düşmüş bir kadın, diğer tarafta da dindar bir Sufi. Yazar, okuyucuların dikkatlerini hikâyenin ahlaki boyutuna çekiyor.

Anahtar Kelimeler: Abulmanih Kargalı, tasavvufi şiir, nedamet, ahlak, Yahudi kıssası.

SUMMARY

The article deals with a poem of Tatar Sufi poet A.Qargaly, there are two diametrically opposite character at the focus of author's narrative: a vicious woman on the one hand, and a pious Sufi on the other. The author draws the reader's attention on the ethical side of the story.

Keywords: Aboulmanih Qargaly, sufi poetry, repentance, ethics, ancient Jewish story.

* Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии Наук Республики Татарстан. Tataristan Bilimler Akademisi G. İbrahimov adına Dil, Edebiyat ve Sanat Enstitüsü.

Эпоха, когда жил и творил татарский поэт-суфий Абульманих Каргалый, а именно I половина XIX века, ознаменовалась сменой феодального строя на буржуазный, когда свободные экономические отношения заняли определяющую позицию в общественно-политической жизни страны. Поэтому столь остро поэт критикует такие пороки своего времени, как стремление к обогащению, скарденность, алчность, жадность, коварство и т.д. Эту тему он продолжает и в заключительном, десятом рассказе сборника “Тәржемәи хажи Әбелмәних...”, который условно можно назвать “О красавице-еврейке и суфии”.

В основе поэтического повествования предположительно лежит одно из древних еврейских преданий. В народе израилевом в давние времена жила одна очень красивая женщина. На пороге своего дома восседала она на внушительном троне, демонстрируя всем свою красоту и заманивая в сети всякого, кто попадетсЯ. Однажды увидев эту женщину, в нее влюбился один очень набожный святой. В смятении он вернулся к себе домой, желая подавить в себе земные страсти. ВедЯ борьбу со своим нафсом (низменным “я”), он обратился с мольбой ко Всевышнему. Но ничего не помогло, любовь его только возрастала. Не в силах преодолеть в себе влечения, он решил отправиться к ней. Распродав из своего имущества что только возможно, он возложил к ногам той красавицы золото-серебро и сказал:

Бонлары алыб, бәни әйлә кабул,
Гыйшкы кем әйлә максудә восул [1, с. 32].

Возьми все это и прими меня,
Приведи влюбленного к цели.

В тот самый миг, когда он потянулся в объятия женщины, помощь Всевышнего подоспела к нему, и он услышал глас, который ему вещал:

Диде кәндүсенә: “Әй, нәфсә оян!”

Кем мәшәйехең әлене үпәсәң,
Тәүбәнне шимди деләрсән бозасәң.

Идәсэн бонча гыйбадәт маһ вә сал.
Заигь идәсэн аны би ихтимал.

Хак Тәгалә хәзрәте назир ирер,
Эшләдекең фасыйкы, әлбәттә, күрер.

Хәзрәти Хакдан куркмайын әйа,
Идәмесән бу эше, әй би хәйа?!” [1, с. 32-33].

Сказал ему: “О тот, кто в западне у своего “я”!

Ты руки шейхов целуешь,
Сам в то же время хочешь нарушить свой обет.

Месяцы и годы, что провел в молитвах и служенье, –
Возможно, все уйдет впустую.

Всевышний Аллах – Свидетель всему,
Он увидит, что сотворил прелюбодеянье ты.

Неужто, когда Всевышний видит это,
Допустишь ты распутство, о непристойный?!” [1, с. 33].

После этого суфий всем телом стал содрогаться, лицо его приобрело цвет осеннего листа; он вновь воззвал к Аллаху, умоляя помочь ему:

Детрэде, дер-дер сарырды йөзләре,
Нэтә йафрак саргайыр көз көнләре.

Йөзене дүндерде бер кәз диде: “Аһ,
Кыл гыйнайәт, әй, кәрәмлү Падишаһ!”

Задрожал, лицо его пожелтело,
Так желтеет лист осенний.

Повернув свое лицо, “Ах, - вопль испустил, -
Помоги мне, о милостивый Падишах!”

Женщина, заметив это странное состояние, спросила о причине резкой в нем перемены, на что суфий ответил, что боится наказания Всевышнего, затем покинул ее. Но перед уходом красавица узнала его имя и дом, где тот остановился. Этот эпизод произвел сильное впечатление на нее. “Этот святой в страхе от наказания Всевышнего не осмелился совершить один грех, я же совершаю этот грех на протяжении уже многих лет, – стала размышлять та. – Его Бог есть мой Бог...” После этих раздумий она пришла к покаянию, после чего сняла с себя роскошные одеяния, облачилась в грубую мужскую одежду из шерсти (*габа*), затем долгие годы жила праведной и благочестивой жизнью. Однажды она решила найти того суфия. Собрав все свое имущество, она пришла к порогу его двери. Суфий, увидев ту порочную женщину, какую знал раньше, не выдержал и в тот же миг отдал Богу душу. Сильно опечалившись, ругая себя: “Әй *гарибә, сән бу дәклү чук гәнаһ / Әйләдең, ваһ, нәйләдең руи сиаһ?!"* [1, с. 33]. (Ах несчастная, совершившая столько грехов, / Ох, что наделала ты, черное твое лицо?!), она со своим имуществом направилась к близкому другу суфия, очень набожному и справедливому человеку. Повествование заканчивается на счастливой ноте: этот человек женится на ней, у них рождается десять сыновей, все очень достойные, среди них – известные ученые и святые.

И, наконец, в заключительных шестнадцати строках, автор по традиции обращается к читателям, призывая вынести уроки из этого поучительного рассказа, быть набожными, чистыми в суфийском смысле этого слова, т.е. быть искренними в помыслах, словах и деяниях, избегать дурного, запретного, совершать благие дела и т.д. В концовке поэт вновь обращает внимание читателей на покаянии (*тауба*), ведь, согласно его словам, даже самым грешным людям после покаяния Аллах прощает их грехи:

Әй борадәр, Хак Тәгаләдер Кәрим,
Нә кадәр гыйсыйан идәрсә бер ләим,

Сыйдыклә тәүбә идеб улса нәдим,
Йарлыкар жөмлә гөнаһын ул Кәрим [1, с. 34].

О, брат мой! Всевышний Щедр,
Сколько бы ни бунтовал хулитель,

Если с чистым сердцем покается [перед Аллахом],
Он, Великодушный, простит ему.

При этом в отношении Всевышнего Аллаха в произведении очень часто применяются эпитеты “*Юмарт*”, “*Кәрим*” (Добрый, Щедрый, Великодушный).

Известно, что суфии всегда придавали огромное значение покаянию (*тауба*), с которого по сути и начинается их высокодуховное восхождение ко Всевышнему Аллаху. Покаяние – это первая и обязательная ступень (*макама*), без которой путник (*салик*) не может начать своего продвижения дальше по духовному пути. Согласно одной из четырехступенчатых классификаций: 1. покаяние (*ат-тауба*); 2. терпение (*ас-сабр*); 3. аскетизм (*аз-зухд*); 4. любовь (*ал-хубб*). Судя по этой классификации, любовь (*ал-хубб*) – высочайшая ступень у мистиков.

Тема покаяния перед ликом Всевышнего широко звучит со страниц произведений татарских поэтов-суфиев XIX века. Отличительной чертой, характеризующей стихи татарских аторов, где звучит данная тема, является то, что в этих произведениях поэты, согласно традиции, сложившейся в литературах мусульманского Востока, выставляют самих себя в качестве неисправимых грешников. Так, например, в лирических произведениях А. Тубыли встречается мотив раскаяния о своем прошлом. В стихотворении “*Фи-л-гыйшк*” (О любви) поэт пишет о том, что “потратил пятьдесят лет своей жизни впустую – на развлечения и забавы, забыв свое истинное призвание и долг перед Всемогущим»:

Илле йел гомер әйләйеб, дөньяда гизмешдем габаса,
Белмәмешдем: ким хакыйкаттә, нәдүр мәгнәи гыйшук?

Пол сотни лет потратил я, предавшийся забавам,
Не различал лик Истины и в чем любви той смысл» [5, с. 107].

В творчестве поэта XVII столетия М.Кули теме покаяния также отведено значительное место. Он так сказал о себе:

«Белмәзлектә кичте гомрем уйнап-көлеп,
Аһ, калырмән гөнаһларым йад кәлгереп... [4, с. 374].

В неведение провел я столько лет – в веселье и забавах,
В грехах своих погрязнув, теперь остался я¹.

¹ Здесь и далее – подстрочный перевод автора.

Прошлая жизнь, как пройденный этап, предстает перед поэтом как реальность, окутанная прелестями и уладами земными. Нафс (низменные желания или: земное “я”) взял вверх над духом поэта:

Күкрәкдә тәкәбберлек йигачы үсде –
Нәфсе менеп, ботагына аяк басты.
Гөнаһ тагы күкрәкдә тулукланды, –
Тәкәбберлек ботаклары олукуланды,
Көне- көндин бу дөньяга гашыйкланды,
Бу күңелдә Хакны эстәр чынлык йукдыр [3, с. 374].

В душе моей произросло высокомерья древо,
Желанья жалкие обосновались на ветвях его, –
С тех пор грехи – хозяева мои,
Высокомерье же дало свои плоды,
День ото дня росла любовь к земному бытию,
Уж ныне нет места Истине в душе.

В «Үз-үзен битәрләү шигыре» (Стихотворении о самобичевании) Шамсуддина Заки есть такие строки:

“Чук гөнаһ итдем бән ул мәгъбудемә бу дөньяда,
Нитә биргәймән жавабы Хәзрәтенә варасы?...
Нә гыйбадәт, нә итагать, ваһ, нәчә йөз карасы.
Бозды гаклымның хисарын ләшкәри нәфсе жөһуд,
Солха килмәз һәр гиз ошбу бәндәнең әммарәсе [2, с. 143].

Грешил я много в этом мире светлом,
Как предстану пред Хазратом, что скажу в ответ?...
Что молитва иль послушанье, – ах, позор один,
Ополчение земных страстей в миг крепость разума снесло,
Иль все еще надеешься, несчастный раб, на милость

Господа своего?» [5, с. 108-109].

Мотив раскаяния в широком плане звучит и в народных мунаджатах:

Янар идем, янар ялкыным- утым юк,
Бер Ходайга күренерлек савабым юк,
И Ходаем, рәхмәтеңне үзең салгыл,
Гөнаһыма чумдым инде, тартып алгыл.
Бу дөньяларга алданып көнем үтә,
Гафиллегем, явызлыгым башыма житә,
Бу гыйбрәттән тәүбә итәм, күңлем саф кыл,
Бер Ходаем, гафу әйлә гөнаһымны! [6, с. 173].

Сгорел бы заживо в огне, однако нет огня,
И что я сделал чтобы предстать перед Аллахом?
О Господь, Ты милость прояви, –
Я весь погряз в грехах, спаси!

Обманут бранным миром, я коротаю дни свои,
Злость и беззаботность моею сутью стали,
Во всем этом я каюсь, очисти душу мне,
О Боже, прости мне все грехи!

В рассказе А.Каргалый женщина, придя к покаянию, духовно очищается от прежних грехов и становится на праведный путь, с этого момента начинается ее восхождение. Примечателен тот факт, что осознав всю греховность своей прошлой жизни и пройдя через покаяние, она оставляет все свои дорогие одеяния, как было сказано выше, и облачается в грубую шерстяную одежду (*габа*). Татарский поэт тем самым хотел представить ее не просто как праведную женщину, ставшую на путь веры, но как святую, женщину-суфия, так как известно, что шерстяное одеяние (*хирка; габа*) является неотъемлемым атрибутом приверженцев суфийских братств. Однако такого рода рубища носили исключительно представители мужского пола, поэтому эпизод облачения в нее женщины в повествовании А.Каргалый приобретает оригинальный с авторской точки зрения характер.

Такие выражения и символы, как сравнение лица суфия с осенними листьями, внутренняя борьба со своим низменным “я” (*нэфсэ жиһад*), “опалив сердца” (*йөрәген даглайу*), “душа [как] птица” (*мәргъ рух*), “черное лицо” (*руи сиаһ*) и т.д. усиливают эмоционально-экспрессивный дух произведения, настраивают читателей к сопереживанию вместе с главными героями.

Таким образом, в центре повествования два диаметрально противоположных персонажа: с одной стороны, – порочная женщина, которая на протяжении всей своей молодости вела распутную жизнь, с другой, – суфий, всю свою жизнь посвятивший служению Богу. Благодаря влиянию этого святого человека, который проходит испытание, оставшись чистым и безгрешным, женщине приходит прозрение, и она, совершив покаяние, также встает на путь веры. Все в ее жизни заканчивается благополучно: выйдя замуж за друга того святого, она становится благопристойной и верной супругой, производит на свет достойных сыновей. Что касается суфия, то, как мы видели выше, он не выдерживает того эпизода, когда красавица-еврейка предстает на пороге его дома и отдает Богу душу. Однако, несмотря на эти крайности в судьбах этих двух главных персонажей, один эпизод сплачивает их, а именно: и он и она расстаются от всех своих денег и имущества. Ведь деньги (*мал, милек*) олицетворяют земные блага, коими, согласно суфийскому учению, путнику, т.е. суфию следует пренебречь. В данном случае женщина и суфий жертвуют этими земными благами ради достижения своих высоких духовных целей, с той лишь разницей, что суфий проходит испытание, а женщина делает это осознанно: сначала она приносит свои деньги святому в благодарность за прозрение, затем, когда на ее глазах он умирает, потрясенная до глубины души, относит свое имущество его другу, с коим и остается на всю оставшуюся жизнь жить в мире и согласии.

Очень важна в рассказе концовка, где автор в проповедническом духе подводя итоги и делая выводы, дает читателям наставления. Красной нитью в произведении проходит мысль: как бы ни был грешен человек, если он приходит к искреннему покаянию (*тауба*), а суфии в любых деяниях всегда придавали большое значение искренности (*ихлас*), Аллах простит ему все грехи и очистит душу. Красавица-еврейка в рассказе как раз демонстрирует из себя пример того человека, который

практически на протяжении всей своей жизни грешил сам и затягивал в эту пучину и многих других людей. Но даже и таким людям Аллах прощает. Иными словами, автор этим показательным эпизодом призывает своего читателя задуматься, не творить непристойные дела, стараться быть чище, а за прошлые грехи понести покаяние.

Те пороки, которые критиковал в начале XIX века А. Каргальй, как например: накопительство, стремление к наживе, жадность, скаредность, скупость и т.д. процветают и в нашем современном обществе, когда остро ощущается социальная несправедливость, выражающаяся в контрастном размежевании на кучку зажиточных, в чьих руках сосредотачиваются значительная часть капитала и власть, и неимущих, коих повальное большинство. В процессе чтения произведений татарского поэта, резко ощущается параллелизм между двумя эпохами. Поэтому проблемы, поднятые А. Каргальй в его произведениях, представляют большую актуальность и в наше время.

KAYNAKLAR

1. Kargalı A. Tercüme-i Hacı Ebelmenih el-Bistevi es-Sa'idi. – Kazan: Kazan Üniversitesi tabıǵhanesi, 1889. – 34 s.
2. Minnegulov H., Sadretdinov Ş. XIX Asır Tatar Edebiyatı Yadkarleri. – Kazan: Kazan Üniv-ti neşriyatı, 1982. – 142 s.
3. Sibgatullina E. Tatar Edebiyatında Sufiçılık (çıǵanaklar, tematika hem janr üzençelikleri): Basılmaış prof.tezi. – Alabuga, 2000. – 380 s.
4. Tatar Edebiyatı Tarihi. – Kazan: Tatar. kit. neşr., 1986. – Cilt 2. – 575 s.